

ФУЛЬВИЯ

Был поздний вечер. Раминга своими пухлыми, выпачканными сажей пальчиками поправила два тощих поленца в камине. Джоконда, перебрав все нехитрые новости, молча сидела у ног зевавшей маркизы Грими. Маркиза Кватрокки не отрывала глаз от огня. Все молчали, над крышами в ночной тьме разносился взволнованный звон одинокого колокола. Вдруг старая Фульвия сказала:

— Вы, молодежь, только и говорите, что о любви, как будто любовь — самое важное в жизни человека. А я знаю женщин, которые отвергли это чувство и отдали свое сердце более высоким идеалам.

— О,— удивилась маркиза Грими. Она жила в разводе с мужем и стойко переносила свое горе, упорно отклоняя малейшее проявление участия.— Высокие идеалы — говорите вы?

— Маме легко рассуждать,— с деланной веселостью воскликнули Раминга и Джоконда.— Ведь у нее был папа. Мы на ее месте, пожалуй, так же снисходительно говорили бы о любви.

— Ваш отец — один из освободителей родины,— заметила маркиза Грими.— В те времена еще встречались рыцари, настоящие мужчины.

И она вздохнула. Маркиза Кватрокки воскликнула:

— Любовь и свобода!

— Свобода была нам дороже всего, — сказала Фульвия. — Иначе разве мы сейчас сидели бы здесь?

И она умолкла, вслушиваясь в ночную тишину. Над Римом плыли звуки одинокого колокола.

— Разве мы, я и мой муж, покинули бы Феррару и всех наших близких? Мы не поднялись бы против немцев и не отдали бы родине все свое состояние. Клавдио не потерял бы руку и здоровье, а я свой покой. О, для многих жертвы во имя свободы были лишь удачной ставкой в игре, и она принесла им огромные барыши. Не то было у нас. Клавдио пошел сражаться простым солдатом, он, адвокат. На поле боя добыл он все свои чины. Помню, в Венеции, на площади Святого Марка, сам полковник Кальви поздравил его со званием капитана. Бедняга, немцы повесили его потом в Мантуе.

Сколько горя, сколько трудностей, сколько крови видели мы с сорок восьмого по семидесятый год! Правительство посылало нас в альпийские деревушки; мы погибали там от холода. В Чезене и Форли мы должны были обеспечить порядок и безопасность — а ведь за время долгого господства попов эти города просто одичали. Когда Клавдио вечерами уходил, я дрожала от страха в постели; каждое утро жители находили у порога трупы убитых близких. Потом Клавдио послали супрефектом в Комаккио. Кругом одни болота да угри, которыми промышляли местные рыбаки, — вот и все, что мне запомнилось в этом городе. Затем мы жили в Пезаро. Там общество городских дам наполовину состояло из служанок и балерин, и все они теперь щеголяли в деревянной обуви... Но вот Клавдио был назначен префектом в Парму. Мы жили во дворце Марии-Луизы, давали обеды и балы, в каждом театре города нам была предоставлена ложа. В просторных залах, отделанных позолотой, было очень холодно. Но зато я, Фульвия Галанти, танцевала с королем Виктором-Эммануилом.

Четыре женщины молча смотрели на Фульвию. Они видели на ее лице отблески бывшего величия. Она сидела в противоположном конце пыльной залы, вдали от камина, высокомерно отказываясь от его тепла, —

только ночью, когда все засыпали, разрешала она себе погреть скрюченные руки над тлеющими угольями. Совсем одна сидела она за длинным столом, худая, неподвижная, как идол, увешанная золотыми украшениями, и белые завитые локоны обрамляли ее продолговатое бледное лицо.

— Но когда Клавдио заставили уйти на пенсию, что нам тогда оставалось в жизни! Он хотел умереть в Риме, в Риме он и умер. И я тоже умру здесь. Это все, что дала нам свобода. И этого достаточно.

— У тебя была еще и любовь,— упрямо сказала Раминга и разрешила собачке лизнуть себя в лицо.

— Если бы я могла выйти замуж за Лино,— вздохнула Джоконда.— Но мы слишком бедны, ведь нас принесли в жертву свободе; а нам она ничего не дала. Другое дело ты, мама! У тебя было в жизни все, чего ты могла пожелать.

— Вы в этом уверены, девочки? Правда, я была счастлива с вашим отцом. И все же Оресте был очень красив.

Ее глаза сузились, резче обозначились морщины, белой маской выступило из полутьмы искаженное гримасой смеха лицо.

— Оресте, кто это? — спросила маркиза Грими.

— Оресте Гатти, племянник кардинала, папского легата. У него были голубые глаза. В детстве мы играли с ним в архиепископском саду. Я часто бывала там во дворце на приемах. Нам подавали подслащенную воду или просто воду, зимой она была теплой, а летом — холодной, как лед. В залах звучало эхо. Старая графиня — не помню, как ее звали,— все время перебрасывала из руки в руку серебряный шар с горячей водой. Мне было шестнадцать лет, когда Оресте, приехав из Рима на каникулы, начал ухаживать за мной. В городском саду он раз двадцать медленно проходил мимо меня и кланялся даже моей служанке. Вечерами он приводил друзей к моему балкону, они пели и играли для меня. У него был чудесный голос, я и сейчас его слышу.

Однажды вечером я возвращалась с прогулки. По улицам города двигались толпы возбужденных людей.

Был час, когда запирали ворота гетто, они выходили на городскую площадь. Вдруг я увидела какого-то юношу. Он взобрался на фонарь у ворот и стоял там, размахивая топором. Еще какие-то люди карабкались на стену, в ворота летели камни и доски. Они хотели, чтобы евреев выпустили из гетто. Мне объяснили, что это делается во имя свободы. В те минуты во мне родилось великое чувство, оно и сейчас свежо в моем сердце, воплощенное в образе юноши, который первым занес топор над воротами гетто. Это был, девочки, ваш отец.

Он не был красив, скорее хил и тщедушен. Право, это какое-то чудо, что мне удалось сохранить его жизнь до семидесяти лет. На следующий день в городском саду я снова увидела его и поклонилась ему, хотя наши родители не были знакомы. Потом я заставила отца пойти к его родным. Теперь и Клавдио начал ухаживать за мной, но главным образом он говорил мне о свободе — да, о том, что стране нужна свобода, — а также о Риме. Он был так красноречив и так выразительно жестикулировал, что я понимала каждое слово и сочувствовала ему. Его бы арестовали, если бы нашли книги, над которыми он засиживался до глубокой ночи. Работая, он все время пил горячий кофе, а потом — ледяную воду, поэтому у него позже выпали все зубы, даже совсем целые и здоровые.

Тем временем Оресте сделал мне предложение через мою служанку, он то и дело передавал мне записки, и вот однажды я написала ему, что выйду замуж только за друга свободы, который свергнет в Италии власть церкви. Оресте сказал мне, что такое письмо может погубить меня, и разорвал его у меня на глазах. Я заклинала его возлюбить свободу. Он ответил, что с Клавдио Галанти ему пришлось столкнуться еще в Риме. Из всех студентов Клавдио слыл самым отчаянным радикалом, ему, Оресте, ничего не стоит избавиться от него.

— Ты трус! — вскричала я.

Он нахмурился.

— Я его не боюсь, пусть идет своей дорогой. Но и я пойду своей.

— О, верь, Оресте, в это великое дело, в свободу! Не отделяй себя от нас, от своей родины, древней

гордой родины, страдающей под пятой чужеземцев и священников.

— Я граф Оресте Гатти, племянник папского легата. Мое место с властителями страны, какое мне дело до этих смутьянов! Ваша свобода — выдумка честолюбивых плебеев.

— О, ты... ты никогда бы не осмелился взломать ворота гетто!

Он погнался за мной, мы смеялись и шутили, убегая друг от друга. И сейчас еще помню это странное чувство, когда он настиг меня у кустов камелий, усыпанных красными цветами. У меня закружилась голова. Рядом была статуя, из ее подножья вытекала струя воды. Обрамленное короткими белокуроыми локонами, лицо его было спокойно, на шее из-под бархатного плаща выбивался кружевной воротник. В эту минуту я почувствовала, что он граф Оресте Гатти, племянник папского легата.

Мы медленно шли по аллее подстриженных деревьев, которая вела к самому дворцу. Там бил фонтан. Фигуры, украшавшие это сложное сооружение, приводились в движение водой: крестьянин на ослике ехал по краю водоема, выше несколько человечков перебрашивались тяжелым шаром.

Вдруг Оресте вскочил на ослика и просунул голову между фигурами, играющими в мяч. Я закричала, и он, смеясь, отпрянул. Еще мгновение, и тяжелый шар размогил бы ему голову.

У входа во дворец нас встретил слуга. Он сказал юноше, что дядя приказал ему не выходить из своей комнаты до следующего вечера. Кардинал видел, как Оресте подставил голову под шар, и был взбешен.

В ту ночь я долго стояла у окна своей спальни; огорченная, что Оресте не придет и не будет петь мне, я то и дело поглядывала на его балкон. Мой дом выходил окнами в сад, за которым был дворец и там комната Оресте. Взошла луна, я увидела его. Он вышел на балкон и издали поклонился мне. Украдкой мы вынули носовые платки, и они затрепетали в воздухе, в лунном свете они казались струйками серебра. Я слышала шаги часового под дворцовыми окнами.

Внезапно Оресте перекинул ноги через кованую решетку балкона, ухватился за изогнутые прутья и начал раскачиваться. Часовой в это время подходил к противоположному концу длинной садовой ограды. Оресте огляделся: в трех метрах от него, почти на уровне второго этажа, белела стена. Он раскачивался все сильнее, в ужасе я зажала рот платком. Тут он оторвался и перелетел через ограду. Я упала. Когда я очнулась, он уже бежал по рыхлой земле соседнего сада. Вот он нашел калитку, исчез в темном переулке, пробежал по улице к моему дому. Как удалось мне незамеченной спуститься по лестнице и бесшумно отодвинуть дверной засов, я не понимаю и сегодня. Я вся дрожала и себя не помнила от страха. Мы забились в уголок у самой двери и несколько минут простояли там, не говоря ни слова.

Вскоре я вышла замуж за Клавдио. Года через два после штурма гетто, двенадцатого мая тысяча восемьсот сорок восьмого года, мы восстали против немцев. Муж мой записался в полк волонтеров, и я, конечно, последовала за ним. На нашей стороне был сам папа, потому что брат его участвовал в заговоре и был арестован. Сам папа благословил наши знамена. Немцы били нас повсюду: в Виченце, у Корнуды, в Венеции. В Виченце мы ждали, что они ворвутся в город, и стояли у окон домов, держа наготове наше оружие: булыжники и горячее масло.

Бедняги, мы хотели сжечь, уничтожить их! Но враг предпочел обстрелять нас с гор. Не удивляйтесь, мы были так неопытны! В Венеции немцы держали нас в осаде, мы питались ослиным мясом, да и оно было в диковину и бог весть сколько стоило. Наша уверенность и энтузиазм не оскудевали. Я носила трехцветный шарф,— вот он лежит в стеклянной шкатулке. Мой дом заполонили раненые, я ухаживала за ними. Мужу прострелили щеку, пуля срезала его левый ус. Никогда потом этот ус не был таким густым, как правый.

Вернувшись в Феррару, мы узнали, что папа давно уже сдался на милость немцев. Брата его выпустили на волю, и папа был в дружбе с нашими врагами. Теперь

мы были изменниками, мы, которые вступили в бой с его благословения.

Клавдио хотел заняться адвокатурой, ему запретили это. Со дня на день он ждал ареста и удивлялся, что за ним не приходят. Большинство его друзей уже было арестовано по приказу триумvirата. Одним из трех папских палачей был Оресте Гатти.

Но вот и к нам пришли с обыском. Если б у нас нашли оружие, мы бы погибли. Но оно было надежно спрятано в кухонном шкафу, искусно вделанном в стену. При обыске нашли бумаги, и Клавдио предложили их подписать. Он отказался. И когда сам Оресте Гатти вызвал его к себе, он снова отказался.

Я очень боялась за мужа и решила поговорить с легатом. Ведь он так ласково шутил со мной, когда я была еще девочкой. В приемной меня встретили настроенные взгляды. На мне было старое платье,— ведь Клавдио ничего не зарабатывал. К тому же дорога вела через гетто, и жирная грязь облепила мои башмаки. Меня вызвали первой из посетителей, провели в кабинет и оставили там одну. Дверь отворилась, и в комнату вошел Оресте.

— Как ты загорела,— сказал он.— Ты стала еще красивее.

Как в старые времена, он хотел обнять меня, и его рука коснулась моего плеча.

— Эти плечи покрывал трехцветный шарф,— сказала я и отошла от него.

Он нахмурился.

— Скоро ты будешь свободна, твоему мужу недолго осталось жить.

— Я знаю,— сказала я,— что кое-кто из наших подписал обвинение и был повешен. Но Клавдио ничего не подпишет.

— Их бы все равно повесили.

— Ты мог бы выдать моего мужа еще тогда, когда он студентом призывал к свободе. Незачем было так долго пестовать свою трусость.

Он оставался спокоен.

— Я знаю, ты будешь моей,— сказал он.— Я ничего не требую, ты сама придешь ко мне.

Внезапно он опомнился.

— Твой муж должен бежать. Не в моей власти спасти его. Пусть сегодня же вечером в семь часов выедет из городских ворот в одежде крестьянина.

Я отправилась домой. Пришел Клавдио, друзья советовали ему бежать. Он переоделся в платье крестьянина, продававшего нам овощи, и ушел.

Я осталась в городе, Клавдио не хотел брать меня с собой в такой рискованный путь. Да меня и не выпустили бы из города, я знала это. Я была совсем одна в нашем доме, мне нечего было есть самой, где уж тут держать служанку. И к какому бы окну я ни подходила, повсюду я видела перед собой шпионов. Они никого ко мне не пропускали.

Но однажды вечером закрипели ворота. Я выглянула в дверь. Внизу, в сенях, было совсем темно. И в темноте ко мне приближались уверенные шаги. Я не заперла дверей моей комнаты, все было бесполезно, я понимала это. Лихорадочный страх охватил меня — страх не перед тем, кто сейчас поднимался по лестнице, нет, не перед ним. Было жарко, я была в очень открытом платье. Все пугало меня: и эта неприкрытая грудь и сердце, так трепетавшее в ней. Я металась по комнате, и тут я взяла свой трехцветный шарф и накинула на обнаженную грудь. Так стояла я и ждала.

Он вошел, и кривая улыбка тронула его губы.

— К чему это все, ты ведь прекрасно знаешь, что ты моя — и какой-то раскрашенной тряпкой хочешь спастись от меня и себя! Как ты наивна!

Но я уже обрела мужество. Позади меня, на столе, вспыхивали, дрожа, язычки зажженной лампы; ему были видны только неясные очертания моего лица. Я же видела, до чего он бледен. Длинные тени плясали на стенах вокруг нас.

Он сказал:

— И так было всегда. Ты всегда прикрывалась свободой, как этим платком, потому что не хотела отдать мне свою красоту. А ведь ты любишь меня, ты с давних пор любишь меня! Ведь правда, ты плакала в ту ночь, когда я прыгнул с балкона?

— Да, правда,— ответила я.— И я любила бы тебя! Но было нечто большее, что я узнала и была не вправе забыть. Это был тот, кто, забравшись на фонарь перед воротами гетто, занес над ними свой топор.

— Вечно ты носишься со своей совестью! — воскликнул он.— Подумай, ведь мы одни в этом доме, ни одна душа сюда не заглянет. Тот, другой, далеко, он исчез, кто знает, где он? Что еще существует в мире, кроме нас с тобой? И свобода умерла, этот призрак. Мы совсем одни: теперь ты найдешь в себе мужество для любви. А если нет, у меня хватит его на двоих.

Он обнял меня, но я почувствовала, как дрожат его руки. Я оттолкнула его, выбежала из комнаты, бросилась вниз по лестнице. Он не отставал от меня ни на шаг. Внизу, в одной из темных комнат, он снова схватил меня; мы падали, торопливо поднимались, спотыкаясь, бежали дальше. Иногда нас разделяла мебель, на которую мы наталкивались в темноте, и он ее опрокидывал. И снова у самого моего лица раздавался его шепот: «Ты любишь меня!» С трудом я выдавливала: «Нет!»

Наконец мы, сами того не замечая, очутились в саду. Была безлунная ночь. Молча, не дыша, пробирались мы сквозь темные кусты. В беседке, в густой темноте, он настиг меня и бросил на скамью. Его рука легла на мою обнаженную грудь, трехцветный шарф давно был потерян где-то в неосвещенном доме. Мы знали оба, что смотрим друг другу в глаза, но не различали в темноте даже лиц. Я чувствовала, как колотится его сердце, а он ощущал биение моего. Над нами шелхнулся лист. Мне почудились крадущиеся шаги за садовой оградой. Нас стерегли. Дом, и сад, и город, темные и безмолвные, казались заколдованными. Во всем мире существовали только наши бьющиеся сердца. Снова меня охватил страх, такой страх, какого я еще никогда не испытывала. Где-то зазвонили к заутрене, настойчиво звучали взволнованные удары одинокого колокола. Представьте, мне сейчас показалось, что я снова слышу его.

Старая Фульвия прислушалась. Ночь молчала над крышами Рима.

— Как живы мои воспоминания,— пробормотала она. — Там, в беседке, я сказала печально:

— Слушай, Оресте, все это так странно, у меня кружится голова, как в тот день, среди камелий, в саду кардинала. И тогда ты тоже долго гнался за мной, но мы тогда были лучше.

— В этом виновата ты,— возразил он, а я продолжала, не слушая его:

— Мы были так молоды, и в сердцах наших зрели мечты, как плоды в вашем саду. Помнишь: рауты, кругом взрослые, и наши разговоры, понятные только нам?

— А в городском саду,— добавил он,— мы встречались и смотрели в глаза друг другу; я отсчитывал шаги: пять, десять, двадцать. Тут ты поворачивалась, и я опять шел тебе навстречу, едва касаясь земли, будто по воздуху.

Мы помолчали. А затем он сказал сурово:

— И вот, наконец, мы одни с тобой. Ты можешь стать моей. Ведь ты хотела этого? Разве не судьба привела нас сюда?

Внезапно он выпустил меня и отошел, так что листва скрыла его, и даже тени его не было видно. Я прошептала:

— О, почему меня не убили в Виченце... Ты не знаешь, Оресте, какое это блаженство умереть за великое дело, за свободу!

— Напрасно ты так думаешь. Я понял это с тех пор, как узнал, что ты подвергаешься такой опасности. И я мечтал быть рядом с тобой в осажденном городе, под неприятельским огнем. Скажи мне, Фульвия, ты когда-нибудь думала, что одна и та же пуля могла бы сразить нас обоих?

— Да, если бы ты вместе со мной боролся за свободу... Вот этими руками выворачивала я камни из мостовой, чтобы швырять их из окон на врагов. Почему ты не был рядом, не помогал мне?

— Ты и за ранеными ухаживала. Если бы я погибал от смертельной раны, только твои губы могли бы облегчить мои страдания.

Помолчав, я тихо сказала:

— Будут еще бои.

Он вскочил:

— Что ж, я готов! Я тоже родился на этой земле и хочу бороться за ее свободу!

— Когда ты уходишь?

— Сейчас же, этой ночью.

Я испугалась, я закричала:

— Нет, ты не покинешь меня! И Клавдио тоже исчез. Неужели же я навсегда останусь в этом доме, откуда ушло все живое? Где я, кажется, никогда не дождусь рассвета? Оресте!

Я соскользнула со скамьи, упала к его ногам, обняла его колени. Все благоразумие мое исчезло, я металась, как раненое животное.

— Возьми меня с собой,— молила я.— Возьми меня лучше с собой! Только не уходи! Не покидай меня!

С братской нежностью помог он мне подняться.

— Мы вместе уйдем отсюда. Я отвезу тебя в Турин. Ты будешь там в безопасности.

По небу разлилась серая мгла. Мы уже различали лица друг друга. Молча дождались мы, пока нам стали видны и глаза. Какая буря бушевала в них ночью! Об этом можно было только догадываться: сейчас в них было какое-то нездешнее спокойствие.

Оресте распространил по городу слух, что отвозит меня в свой загородный дворец. Мы бежали, благополучно перешли границу и добрались до Турина. Там мы нашли Клавдио. Он все еще страдал от ран; к этому присоединилась болезнь, я вынуждена была остаться и ухаживать за ним. Оресте уехал один. Он пал за свободу под Варезе.

Немного погодя маркиза Грими, вздохнув, произнесла:

— Но ведь он за вас умер, за вас!

— Да, мама,— откликнулась Раминга и разрешила собачке лизнуть себя прямо в лицо.— Много хорошего было в твоей жизни. Он действительно умер за тебя!

— Молчите! — властно сказала Фульвия.— Он пал за свободу.